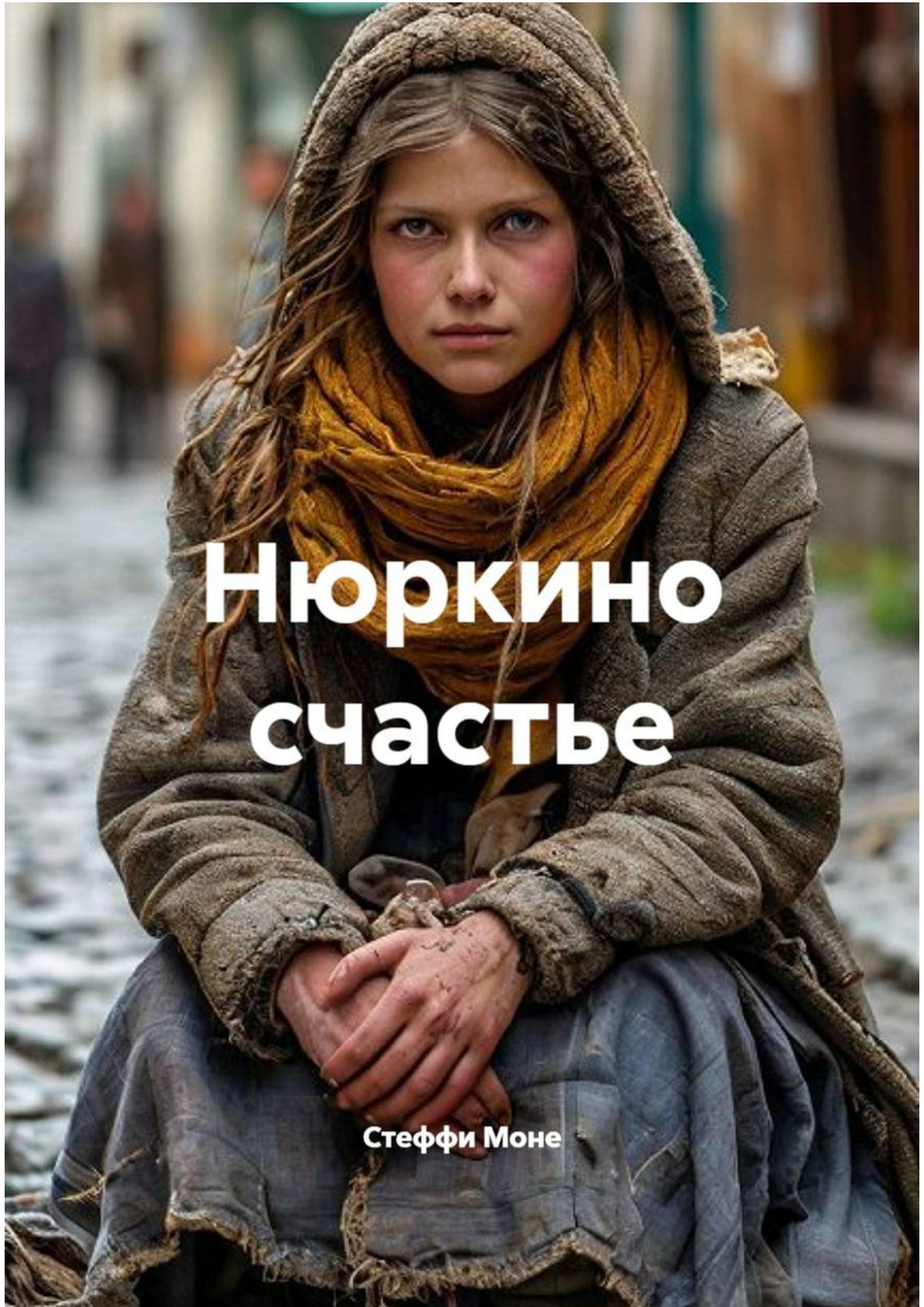

A young girl with long, light brown hair is the central figure. She is wearing a thick, brown, quilted coat with a matching hood that covers her head. A yellow, frayed scarf is wrapped around her neck. Her hands are clasped together in her lap, and her expression is somber and weary. She is sitting on the ground, which appears to be covered in debris or rubble. The background is blurred, showing indistinct figures and structures, suggesting an urban or refugee camp setting. The overall tone is one of hardship and resilience.

Нюркино счастье

Стеффи Моне

Стеффи Моне

Нюркино счастье

«Автор»

2026

Моне С.

Нюркино счастье / С. Моне — «Автор», 2026

Это история о спасении через милосердие и обретении дома. Уличная попрошайка живет своей жизнью, где счастье и боль переплетаются со словами святых отцов. Но, чтобы отыскать настоящее счастье, Нюрке придется побороться за жизнь и порочувствовать житие святого ...Главная идея в том, что истинное счастье и спасение приходят через взаимную заботу и способность видеть человека в том, кого общество считает «никчёмным».

© Моне С., 2026

© Автор, 2026

Стеффи Моне

Нюркино счастье

Нюрка! Опять в самую грязюку уселась! Да как тебя только терпят на этой улице! — раздался сердитый окрик, но в нём сквозила не злоба, а привычная, почти усталая забота.

Маленькая девчонка неловко вылезла из-под покосившейся картонной коробки, сладко потянулась, будто сбрасывая с себя тяжесть дня, и подняла чумазое лицо к солнышку. Лучи скользили по её перепачканным щекам, золотили спутанные косички, и в этот миг она казалась не замарашкой, а солнечным зайчиком, чудом затесавшимся среди серых заборов и пыльных тропинок.

«Нюрка! Нюрашка — большая замарашка! Где ползёт — там грязь с собой несёт!» — звонко кричали малыши, бегая вокруг, как стайка воробьёв. Их смех рассыпался по улице весёлыми искрами, а дразнилки звучали не как обидные слова, а как привычная песенка, без которой день был бы не тот.

А Нюра в это самое время, кряхтя от натуги, вытащила из-за пазухи потрёпанную книжицу — да и книжицей; то её назвать было трудно: несколько листов, сшитых грубой ниткой, затёртых до прозрачности на сгибах, пахнущих пылью, дождём и чем-то неуловимо родным. С благоговейной осторожностью, словно держала в руках хрупкую птичью скорлупку, она раскрыла её и тихо, по слогам, будто пробуя каждое слово на вкус, прочитала:

— «Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать и всем — моё почтение».

Девочка помусолила палец, посмаковала горьковатый привкус бумаги — и вдруг заулыбалась во весь свой беззубый рот, так искренне и светло, будто только что открыла величайшую тайну мира.

Ребятишки тут же обступили её тесным кружком, тянулись потрогать за косички, дёрнуть за подол выцветшего платица. В деревне давно ходила примета: кто дотронется до местной дурочки, тому непременно повезёт — то монетку найдёт, то в доме радость случится. Потому Нюрку никто не обижал всерьёз — разве что подразнят малость, да и то без злости. А чаще всего ей старались сунуть в руку кусок пирога, горбушку хлеба или яблоко, чуть подгнившее, но всё равно желанное.

Нюрка ласково гладила непослушные головки детей, трепала их лохматые макушки, и в её движениях не было ни обиды, ни укора — только тихая, всепрощающая нежность. Она не сердилась, что её кликали «дурочкой». В этом мире всё было непросто, запутанно, как клубок старых ниток: часто те, кого считали умными, спивались до беспамятства, а те, кого величали дураками, занимали высокие посты и вершили судьбы.

Пусть голова у неё и не блистала хитростью, зато своё дело она знала туго: не растрчивала жизнь на пустые тревоги, не гонялась за тем, что само не шло в руки. Жила в своём удовольствии: хотела — пела, хотела — молчала, хотела — спала прямо на тёплой от солнца картонке. А то, что еды порой не хватало, — так это даже и к лучшему: останется худенькой, почти невесомой, как осенний листок. Таким и подают охотнее, и жалеют сильнее.

Ведь человеческое сердце не спрячешь за подкладкой, как монетку: как ни старайся, а совесть всё равно выпрыгнет, кольнёт острым крылышком, не даст спокойно пройти мимо чужой беды. Да и что ты за птичка-невеличка, совесть? Откуда взялась? Почему не даёшь спать и есть, тревожишь душу, а порой позволяешь себе заткнуть её за пояс, обвести вокруг пальца? Только это ненадолго: погрузишь чуток — и снова она тут как тут. Один сплунет да пройдёт мимо, другой — денежкой побалуует. Бабы, конечно, жалостливее: им весь мир жалко, ведь они детей рожали, знают, каково это — чувствовать чужую боль как свою. А дети — народ особенный, не зря сам Иисус велел их к себе допускать. Им законы этого мира не писаны, они видят сердцем, а не глазами.

И потому Нюра снова села на свою картонку, поджав под себя худенькие ноги, и ещё раз медленно, смакуя каждую букву, прочитала заветную строчку:

— «Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать и всем — моё почтение».

Ей нравилось не просто произносить слова, а вглядываться в них, как в окошко, за которым открывается целый мир. Для неё это была не просто фраза, а формула счастливой жизни, рецепт духовного роста, маленькая дверца в большую тишину души. Жизнь полна радости и счастья, если мы этого захотим, и полна сожалений, если наше существование пусто. Часто именно эта пустота заставляет нас оглядываться по сторонам в поисках чужого счастья, завидовать чужой удаче, чужой улыбке. Но не так просто принять жизнь другого человека, ведь каждому из нас ближе своя рубашка. Вот тут-то и рождается осуждение — тихое, ползучее, разъедающее душу, словно ржавчина.

Прошлое вспоминалось с трудом, будто сквозь густой туман: как умерли отец и мамка, как её, словно ненужную вещь, выбросили из дома, чтобы прибрать чужое добро. Как больно ударила её жизнь и в сердце, и в голову, оставив там глубокие, ноющие шрамы. И покатила её жизнь туда, куда и ведать не ведала. Может, давно бы стинула в какой-нибудь канаве, да листочки книжные спасали — давали опору, когда земля уходила из-под ног.

«Не тужить» — это она старалась изо всех сил, отворачиваясь от скорбей, стискивая зубы и быстрее перебирая ногами, лишь бы не останавливаться, не давать горю пустить корни. А вот направлять сердце к Богу было куда сложнее, особенно на голодный желудок: к этому нужно было себя заставлять, шаг за шагом, слово за словом. И уж совсем непросто было «не осуждать» и «не досаждать», то есть избегать горделивых суждений о других, которые разрушают мир не столько в чужой душе, сколько в своей собственной. Ведь каждое намерение, даже самое крошечное, оставляет особый отпечаток в нашем сердце — созидая его или извращая. Только при таком бережном, внимательном существовании можно научиться излучать тихий свет мысли: «Всем — моё почтение» — как призыв к почтительности и уважению к каждому человеку, как следование заповеди апостола.

Так Нюрка и жила: читала запоем, пока день не сливался с ночью, пока последние лучи не гасли за крышами домов. Пела псалмы до хрипоты, вкладывая в каждый звук всю свою душу, всю свою веру в то, что где-то там, за пределами грязной улицы и покосившихся заборов, есть свет, который никогда не погаснет. Делала всё на полную катушку — и оттого смеялась без меры, звонко, заливисто, словно и правда была глупышкой, у которой в голове только цветочки распускались.

Ничего не знала, не могла бы растолковать мудреные богословские трактаты, не сравнится с её любимым старцем Амвросием Оптинским, к которому за духовным советом приезжали люди со всех концов земли. Он умел говорить просто и образно, часто прибегая к пословицам, чтобы донести глубокие истины до самых разных слушателей. Его наставления были сосредоточены на смирении, любви к ближнему и умении находить мир в сердцах людей.

Иногда Нюрке казалось, что святой сидит рядом с ней на её картонке, жуёт вместе с ней пустую картошку и тихо говорит своим мягким, обволакивающим голосом:

— Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь её иметь, то делай дела любви, хотя сначала и без любви. Господь увидит твоё старание и вложит в сердце твою любовь.

Тогда Нюрка выпячивала губы, закатывала глаза к небу и кланялась этому миру — для кого;то безжалостному, холодному, а для неё — самому светлому и святому, полному невидимых чудес и тихой благодати.

Потом святой исчезал, растворялся в вечернем воздухе, а девочка оставалась на земле, в самой грязи, у паперти, маленькая, чумазая, но с сердцем, полным света.

Глупая, как все её звали, Нюрка часто отдавала свои последние крохи птичкам небесным, что прилетали к ней каждое утро, доверчиво садились на вытянутую руку. Угощала молоком грязных котят с разорванными ушами, хотя саму её угощали редко. Но ей хватало и этого: горстки зерна, блюдечка молока, тёплого взгляда случайного прохожего.

А как человеку жить на Земле? Все мы словно слепенькие, как брошенные выводки, не замечаем, что мир хрупок, что его легко растоптать, утопить в равнодушии. Нюрка раздавала свои «дурацкие» советы, шептала простые слова утешения, но любовь молчала, пряталась где-то в дальних углах людских сердец. Только Нюрка всё улыбалась, выжимая из себя счастье, как выжимают мокрую тряпку, и делилась этими крохами уличной благодати со всеми, кто проходил мимо, даже если никто не останавливался, чтобы взять.

*

Снова зашуршали потрёпанные листочки, будто шептали ей что-то своё, тайное. Нюрка смеялась, раскидывая руки навстречу небу, будто хотела обнять весь мир — и пусть с тяжёлых грозовых туч срывались косые нити дождя, прошивая воздух серебряными стежками, будто пытались пришить этот беспокойный, шаткий мир к небесам, удержать его от падения. Дождь хлестал по лицу, а она всё смеялась, и её беззубый рот словно пил эту небесную радость, а капли омывали лицо, смывая пыль прожитого дня, даруя ощущение нового начала.

Прижимая страницы к груди, будто это было самое дорогое сокровище на свете, Нюрка шептала, и голос её сливался с шумом дождя:

— Ты грешник? Не отчаивайся, но приди, принеси покаяние. Ты согрешил? Скажи Богу: «Я согрешил».

Она и правда была счастлива в эту минуту, но в глубине души знала о целой горе своих грехов — они расплзались по её телу, словно холодные, колючие муравьи, и по ночам кусали в самые больные места, жалили так, что хотелось кричать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.